

СКАЗКА-ПОЭМА

Дева и Воин

РОМАН В СТИХАХ
для Взрослых

Нариман Бекбулатов-Арешев

18+

Нариман Бекбулатов-Арешев

Дева и воин. Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73353513

SelfPub; 2026

Аннотация

Поэзия отношений между мужчиной и женщиной. Поэма поднимает тему сексуального насилия над женщинами и насилия, скрытого за традицией. После смерти воин попадает в волшебный чертог, где каждый день сражается с тысячами тысяч бойцов, пока не остаётся только один победитель. Ночью, среди звёзд и костров, песен и мёда, все оживают, пируют, а на следующий день всё начинается сначала. Но главное в этом неизменном, многовековом распорядке – приз победителя: ночь с девой неземной красоты. Для победителя это – высшая награда, радость и наслаждение. Для девы – горе, страдания и унижение. Однажды воин становится победителем и получает свой приз – деву. Но, увидев горькую судьбу красавицы, он решает изменить многовековую систему и спасти её. В мире, где есть только одна женщина и тысячи тысяч мужчин, во что бы то ни стало жаждущих заполучить свою награду.

Содержание

Посвящение	4
Песнь первая	6
Песнь вторая	10
Песнь третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нариман Бекбулатов-Арешев Дева и воин. Роман в стихах

Посвящение

Лучше, когда был плохим и стал хорошим,
Чем быть хорошим, но становиться плохим.
Лучше путь вверх и стоять у горы подножья.
Ветер не зрим, но деревья роняет, так и Воля – внутри
Исполин.

В наших подъездах и сердцах
Столько мыслей было на стенах.
Мы не слабые, мы сильные,
Внутри нас дожди, в рифму, обильные.

Мы родились дикарями, что было в них:
Из прошлого бесстрашие, для мамы стих,
Радость, злость, мы боялись, читали книги,
Курили, тренировались, взрывали жиги;

Вывернуть наизнанку, мы похожи,

Во всех мирах есть одно и то же.
Я танцевал с орлами в небесах,
И ты танцевал, я видел. Твой. Взмах...

Ну а пока я с Музою летаю,
Я сказ о Воине и Деве начинаю...

Песнь первая

Не помнил Воин, как погиб,
Пред ним Чертог Небесный возник,
Рана его затягивалась на глазах,
Резные руны на воротах.

В Чертоге Высоком его Старец встречал,
С тысячей тысяч героев драться приказал.
И дрались они, пока не остался один.
На горе тел оказался Берсерк непобедим.

Тот муж злобный и ужасный,
И Воину он стал врагом опасным.
Он Воину голову срубил,
И Старец его победителем объявил.

А победителю прекрасная Дева доставалась.
Как говорили, ночью его она ублажала,
Остальные герои к закату оживали –
Головы да руки их с телами срастались.

Невлюбил наш Воин порядок такой,
Каждый день расставаться с головой –
Хотел было бунт в Чертоге поднять,

Но тут окаменела в округе вся рать.

Дева прекрасная за Берсерком пришла,
В потайные покои его повела.
Все воины глазели, ее возжелали,
Но в жажде своей как камни застывали.

Лишь только победитель мог касаться Девы,
Прочим не лобзать груди ей спелых.

Глянул и Воин наш на нее –
И челюсть его от чувства свело:
Как глаза их повстречались –
Так ненависть друг к другу в сердца их закралась.

Хотел он ее тут же схватить,
Но камнем бездвижным затух и поник,
А Дева со злом на него поглядела
И повела Берсерка на темное дело.

Так истукан наш до утра простоял,
Беззвучный, застывший на свете все клял.
Лишь с приходом рассвета свобода пришла,
Но тут рог зазвучал, началась война.

«Снова сражаться, снова рубить!

Опостылело все, кого задушить?»
И вот уже с ночи, давно разозленный,
Он бросился в битву, как медведь разбуженный.

Направо, налево – всех он рубил,
Ярость сверкала, и гнев из глаз лил.
И даже Берсерка он не испугался,
Только гнев в груди сильнее сжимался.

И так колотил и словом срамил,
Что пал его враг и кровь свою пил.
И сам не понял наш Герой,
Как Дева повела его в свой покой.

А дальше что было? Рассказать ли?
Как Воин и Дева понять не могли,
Отчего они так друг друга ненавидят
Да прошлую жизнь свою в памяти никак не увидят.

Как окажется так, что девственна Дева?
Как Воин за честь ее будет драться пресмело.
Дальше сцена любовная с телами их обнаженными,
Что публика и не поймет, как уже вовлеченная.

Ведь наш герой не из робких,
Я весь стих в стопки,

И Дева тоже не робела:
Своим теплом на парня села.

В общем, про героев дерзновенных,
Про отношения вечные и древние.
Сия Сказка увлекательна для кавалеров и для дам,
Для речей вдохновенных и на яркий экран.

Еще в Сказке легенда Светлячков:
Про женщин горемычных – там много оков...
И будет так, что Воин Деву теряет
И одноглазому Старцу вызов бросает.

Старец за это его проклянет,
Волка натравит, и каков же исход?

Семь дней поживешь, ночей поспишь семь. Или шесть?
В общем, через неделю еще сказка есть...
Пока в звездах летает она.
А «тем, кто ложится спать, – Спокойного сна».

Песнь вторая

Нынче друг мой вспомнить должен,
Что я в прошлой песне пел,
Чем был ты так растревожен,
Ведь уж новый плод созрел.

Воин в битве первым стал,
Деву за руку он взял.
Остальные герои каменели,
Берсерка глаза от злости чернели.

А до покоев Девы путь неблизкий –
Через коридор идти нужно темный и мглистый.
Дева за руку Воителя вела:
Не видать ничего. Зачем глаза?

Лишь Дева знала, сколько шагов нужно сделать и куда,
Чтоб привести обоих в ее потайные края.
«Отчего она не скажет мне шаги?» –
Не желал Воин, чтоб его, как беззащитного, вели.

Гордыня и злость жгли ему грудь.
Между тем заканчивался их путь –
В темноте Дева ладонью к дереву прислонилась,

И вековая кора пред ней расступилась.

Открылся золотой свет прохода –
Сию палату создала сама природа.
Четыре стены ее – дубовые ряды;
Из пола растут деревья, и они

Тесно стоят, друг к другу прижавшись,
В вышине зелению крон, как братья, обнявшись.
В куполе листвы изумрудной светляки мерцают.
Их ветер сияющими волнами качает.

Пахнет хвоей – в очаге из камней горит сосна;
Ветерок, воздух, Девы набухшие соски – Весна.
Сочится мед по стволу, пей – и напьешься.
Пред тобою Дева стоит – красота – не отвернешься.

Дверь в палату корой зарастает да проход закрывает,
Дева черными глазами искрами гордо взирает.
Роста небольшого, смуглая янтарная кожа,
Дикая прелесть, изюм сквозь черное платье тоже.

Зло так глядит на него и указывает на ложе.
Платье сбрасывает с себя, гневная – сейчас уничтожит.
Жесткий черный треугольник волос меж ног
Двигался к Воину, а он пожалел, что клинок

Его острый не в ножнах —
Его гнев снова ожил.
В ненависти он схватил ее тяжелую грудь,
Стал сжимать ее больно, но лань не спугнуть.

Ногтями она в белый бок вонзилась,
И из кожи его кровь засочилась.
Он второю рукою вторую грудь сдавил,
Пот с нее тек, будто он виноград раздавил.

Она не сдавалась, за его слабые хваталась места,
Дышали оба тяжело, горячились уста.
На коре стен влаги капли,
Где пульсация вен, там вздыхают: «Пли!»

Со стороны глянуть — то танец любви,
Но равно друг друга они ненавидели,
И равную схватку вели,
И наконец оторвались с усилием

Друг от друга. Девы влажные очи.
Они молчали полночи,
Гнев мешал говорить обоим,
Еще с прошлой жизни он их расстроил.

«Я не знаю, кто ты, я не знаю почему, –
Воин первый прервал безмолвную войну, –
Но я ненавижу тебя всем своим духом,
Гневом полон я от уха до уха».

Дева сухо отвечала:

«Ненависти для меня мало,
Я готова изливать проклятья на тебя,
И, кажется, они жили во мне всегда.

Но, как бы я тебя ни ненавидела,
Я должна ублажить победителя –
Ежели я от этого отступлюсь,
То тут же головы лишусь.

И не воскресну более никогда.
Я лишь награда. Победителю. Такова моя судьба».
И не расплакалась она чуть было.
У Воина под сердцем заныло.

«Я не желаю тебя, – молвил он. –
Не накажут тебя, дай мне сон.
Я уж взял свою награду.
Наша драка – чем не страстные обряды?»

И он лег на ложе из козлиной шерсти,

И тут же сны узоры начали плести:
Зеленые холмы да высокие травы,
Запахи из детства, и... закончились победителя лавры:

Утром Дева его разбудила,
Вылив на него меда из кувшина,
И повела обратно чрез мрак коридора,
Пока пред ними не засветились главной залы просторы.

Воин глянул наверх – вместо крыши сияли мечи –
Утром рассветом и звездами в ночи.
Тысячи тысяч их было как бойцов,
Кто держал оружие, тот знает смертельный зов.

Глаза слепило, Дева руку Воина небрежно отпустила
И, даже не взглянув на него, обратно в темноту устреми-
лась.

«Я буду из победителей единственный,
Кто не покрывал щл*хи из комнаты таинственной», –

Вырвалось у Воина с досады.
И у Девы серебром слезы без преграды
Ручьями стекали, она зарыдала:
«Ведь я еще мужчины не знала,

Ты был бы первый, я девственна».

У Воина скривило лицо, естественно.
«Как быть такое может?
До меня ты уводила Берсерка на ложе!»

Но не услышал он ответа,
Дева уж скрылась от света.
Тень ее исчезла в коридоре мрачном,
И снова рог протрубил некстати и неудачно.

Мечи вновь зазвенели, заблестели.
Вновь Воин со злости всех метелил,
Но злость закончилась, и не стало его сил –
Ярый гнев его быстро истощил.

Еле меч он держал,
Ртом воздушные массы глотал.
С кровавленным оружием враг за ним спешил,
Едва голову от тулова не отделил.

Но в последний миг, как вражий меч блеснул:
Падала капля, он ржавчинойдохнул –
Воин увидал внутри себя образ Девы,
Лицо, полное слез, и сердца напевы

Без ведома его сочувствием и состраданием
Наполнили дух его живительным трепетанием.

С новою силою неприятеля клинок отбивает,
И теперь пред вражьим глазом его сталь сияет.

В бескрайнюю серебряную гущу
Летит Воин с мечом: «Сострадание дарующий».
Не желает он, чтобы Деву силою брали
Без ее согласия и девичество унижали.

Но правдивы ли ее слова? Они сказаны ртом,
А боль ее он почувствовал нутром.
Меж тем он быстро вокруг себя гору тел сотворил.
На нее Берсерк взобрался и в злобе лицо исказил

Ядовитою улыбкой: «Отомщу за поражение».
И в закате взъярились, завились две тени.
Старец все видел и вдруг закричал:
«Слава и честь Герою!» На горе лишь один стоял...

Кровавые воды у берега плескались.
В их отраженье звезды зажигались.
То блещут рукояти тысячи тысяч мечей —
Еще павший герой, больше блеска в свете ночей.

А на пиру ночном в честь победителя,
Все восхваляли... нашего Воителя.
Старец распространял хвалебную речь,

Берсерк переваривал затаенную желчь.

Но Воина вниманье занимало другое.
В вышине он почуял нечто презлое,
Вдалеке он черную Тучу увидал
И страх свой с нею связал.

Ползла она грозно тушей живою,
Предвещая Воину что-то плохое.
Сыростью могильной от нее веяло,
На гибель его катится, верил он.

Пока мурашки на коже кукожились,
Статуи вокруг него множились –
Рука в плечо впилась...
Дева за ним явилась.
Вокруг тишина воцарилась.

Также молнии в ее глазах мерцали,
Но за ними радость скрывалась.
Не придется ей с Берсерком возлечь,
Еще сможет она девство свое сберечь.

Ей Воин ненавистен как прежде,
Но на его благородство надежда.
А Воин в коридоре снова негодует –

За руку его снова ведут, и не будет

Дева ему раскрывать шагов своих,
Не разберет Воин никак, сколько их.
Новыми путями Дева плутала,
Покои свои хранила, ведь плутов не мало.

Но вот они наконец отыскали покои,
Снова чудно зарастают проходы дубовые.
И, сам от себя не ожидая такого, Воин вопрошает:
«Каждую ночь, также как и наши раны зарастают,

Также и ты становишься девственницей?»
Дева таких не ожидала дерзостей
И закричала: «Пусть зарастет твой рот
И ты не сможешь говорить и вкушать мед!

Я оказалась позавчера в этом мире,
Если у здешних дней есть такое мерило.
Я не помню жизни до, в этом все бедствие,
Но я знаю одно, тебя я ненавижу, и я девственна!»

Воин не унимается: «Но ты уводила позавчера
Берсерка злосчастного – ты соврала!»
Как полагается, Дева Воину двинула,
Что со своими вопросами чуть было не сгинул он.

Затем, чуть успокоившись,
Рассказала про Светлячков историю
И тем объяснила, как быть тяжело наложницей,
Что наверху над ними не Светляки вовсе, а бывшие за-
ложницы.

Отчего она еще цела телом,
Нас ждет Легенда в целом...

Что-то тут похолодало,
Ночь не так темна, но толсто одеяло.
Ложись потихонечку спать –
Во снах побродить, ответ поискать.

Две недели пройдет,
К тебе сказка придет.
Чуда жди или не жди,
Но действуй, все у нас впереди...

Песнь третья

В просторных Чертогах Великое свершается,
В малых и уютных Великое обсуждается;
Не всегда мудрость в седых волосах,
Но мудрость найдешь в чистых сердцах.

А вот что было в прошлом сказе,
Там событий и свершений кладезь:

Воин в потайные лесные Девы покои
Пришел чрез темны коридоры, гневно настроен.
Потом драка голая, неистовая;
Оба ненавидят. Он отказался от любви с ней.

Утром она на него из кувшина брызнула,
К главной зале не выпавшимся выставила.
Он этого не стерпел. Назвал блудницей,
Она оскорблённо зарыдала, что чистотой струится.

Нутром он поверил на свое удивление,
Даже лик ее узрел в своем видении,
И устроил он кровопролитность,
Дабы защитить ее первобытность.

Не отмщенный был повержен Берсерк,
Но не пришлось ликовать – свет померк –
Тучу, как роковое предзнаменование,
Не узрел он даже, а почуял всем своим теменем.

Дальше Дева. Темя его в темени коридора,
Если ведет не Синьор, а Синьора – там ссора,
Впрочем, главное Воина негодование –
Не лживо ли Девы о первозданности признание.

Она ему за это двинула как следует,
А после вот такую историю поведала:
В сей таинственной комнате позавчера
Деву разбудила женщина – необыкновенная краса,

И объяснила, что теперь вместо нее
Деве улажать победителей суждено, дала черное белье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.